

ХРАНИТЬ НАСЛЕДСТВО ~ ВО ВСЕ НЕ ЗНАЧИТ
ОГРАНИЧИВАТЬСЯ НАСЛЕДСТВОМ
ЛЕНИН

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

15

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
1 9 · М О С К В А 3 4

тельно близка к завершению; такова например переписка с братом Михаилом Михайловичем, нуждающаяся теперь, для полного своего освещения, только в ответных письмах корреспондента; а ее значение для биографа Достоевского таково, что отдельное издание всех доступных писем обоих братьев было бы очень желательно. Зато переписка с В. М. Карепиной представлена и за этот период далеко не полно; письмо к Шуберт, дополняя собой два других ранее известных письма к ней Достоевского, тоже только намечает новый эпистолярный цикл, как и три совершенно уже отрывочных письма к Корвин-Круковской. Впрочем пробелы в этих отделах переписки заполнить пока еще нечем, и самый вопрос о возможности их заполнения остается пока открытым. За весь отмеченный период к собранию Госиздата из „Воспоминаний“ А. М. Достоевского прибавить можно только два письма: к самому Андрею Михайловичу (29 июля 1864 г.) и к его жене Д. И. Достоевской (13 февраля 1866 г.; см. *op. cit.*, стр. 299, 399).

Переписка заграничного периода (1867 — 1871) представлена в собрании Госиздата 129 письмами, из которых 44 находим еще у Страхова, 69 собраны со страниц позднейших изданий и только 16 печатаются впервые. Это — 2 письма к А. Н. Сниткиной, матери А. Г. Достоевской (№№ 278, 290), 2 письма к сестре В. М. Ивановой (№№ 295, 299), 9 писем к племяннице С. А. Ивановой (№№ 305, 310, 339, 359, 364, 376, 379, 388, 389) и 3 письма к литераторам: к Ап. Н. Майкову (№ 338), к В. В. Кашпиреву, издателю журнала „Заря“ (№ 352), и к А. У. Порецкому (№ 366). Ценнее других письма к С. А. Ивановой: вместе с письмами к ней Достоевского, опубликованными ранее, они почти исчерпывают собой весь этот эпистолярный цикл, которому тоже, как и переписке с М. М. Достоевским, недостает теперь только ответных писем корреспондентки. А для биографа Достоевского ответные письма С. А. Ивановой будут конечно ценны; порукой этому — особая задушевность и содержательность всех писем к ней Достоевского, а также причастность ее самое к замыслу „Идиота“: роман этот ей ведь и посвящен. Остальные из 16 вновь опубликованных писем случайны. Их можно теперь дополнить из „Воспоминаний“ А. М. Достоевского (стр. 335 — 351) еще двумя письмами к В. И. Веселовскому (14/26 августа 1869 г.) и к А. М. Достоевскому (16/28 декабря 1869 г.).

Итак „Письма“ Достоевского в издании Госиздата далеко не представляют собой *edition definitive*: одни из отделов переписки представлены, правда, с исчерпывающей почти полнотой (переписка с братом Михаилом и с С. А. Ивановой); другие, напротив, едва намечены (переписка с отцом); третьи наконец не представлены вовсе (переписка с Карепиным).

Гораздо более окончательный результат дала работа над текстом писем, опубликованных ранее. По словам редактора из писем первого тома (за 1832 — 1867 гг.) сверено с автографами около 90%; из писем второго тома (за 1867 — 1871 гг.) сверены все за исключением только семи (автографы которых не сохранились). В результате этой сложной работы в письмах, казалось, давно всем известных, восстановлены теперь новые строки и даже страницы, пропущенные первыми редакторами или вычеркнутые в самом подлиннике по соображениям семейной цензуры. Так обогатились теперь ценнейшими подробностями давно известные письма к барону А. Е. Врангелю из Семипалатинска (1856 — 1857). Большое внимание уделено датировке писем, — прежде всего писем страховского собрания (не датированных самим Достоевским): даты, расставленные Страховым, проверены в примечаниях и в отдельных случаях доведены до большей точности путем указания на месяц или хотя бы промежуток в несколько месяцев, если Страхов ограничивался только годом.

Из писем, опубликованных впервые (недатированных самим Достоевским), весьма проблематично датировано редактором письмо к Д. В. Григоровичу (№ 59): посланное видимо из Дарового в соседнее с ним Дулебино, именье Григоровича, письмо это может быть точно датировано лишь при выяснении связанного с ним биографического вопроса: когда именно мог Достоевский, одновременно с Григоровичем, навестить родные им обоим места? О такой поездке нет решительно никаких сведений. Понятна отсюда уклончивость соответствующего примечания; опубликовав письмо не по автографу, а лишь по копии с автографа, редактор склонен даже сомневаться в принадлеж-

лии к переписке: указ об отставке Достоевского в 1844 г. (I, 477), проездной билет из Семипалатинска в Тверь (I, 543), прокламация Нечаева и статья Огородникова из журнала „Заря“, использованные в „Бесах“ (II, 484, 491 — 493), письмо Марии Дмитриевны, первой жены Достоевского, к своей сестре (I, 538) и др. Но эту часть примечаний можно было и следовало бы расширить, сократив многое из остального.

Реалиями примечания не ограничиваются. Они рассчитаны еще и на то, чтобы осветить эволюцию мировоззрения Достоевского.

Схема, в которую стремится втиснуть Достоевского редактор его писем, весьма сложна. Достоевский „до каторги—„целиком в русле атеистических (или „социалистически-атеистических“) идей Белинского“ (I, 492; II, 425 и др.); десятилетний сибирский период тоже по существу мировоззрения не изменяет, лишь выдвигается Герцен в дополнение к Белинскому (I, 490); временный кризис сконструированного так мировоззрения приурочен только к заграничному периоду 1867—1871 гг. и приписан тоже воздействиям внешним — лиц или обстоятельств: Майкова, с которым однако Достоевский почему-то „люди разных культур“ (II, 448), Страхова, который тоже, несмотря на влияние, „органически чужд“ Достоевскому (I, 556), женевакской эмиграции, „причина расхождения“ с которой Достоевского „не столько в нем, сколько в ней“, в ее недоверии к редактору „Эпохи“ и автору „Преступленья и наказанья“ (II, 402); наконец третий период, названный тут „синтетическим“ и начинающийся не то с 1876 г. (I, 483), не то с 1874 г. (II, 514), характеризуется опять всего только тем, что „ослабевает ненависть к Белинскому“ (II, 514), „тень которого снова с любовью начинает приближать к себе“ Достоевский (I, 483). Такова схема Долинина. Но если бы она соответствовала действительности, мы стояли бы перед неразрешимой загадкой: кто же написал „Бедных людей“, „Преступленья и наказанья“ и „Карамазовых“? Их автор и носитель сконструированного Долининым мировоззрения отождествлены быть не могут: слишком оригинален первый, слишком банален второй. И чтоб уже вполне убедиться в несостоятельности этой странной теории о Белинском-„двойнике“ Достоевского, достаточно одного примера тому, как поступает Долинин с фактами, если они не укладываются в его схему. Пишет например Достоевский брату 26 ноября 1846 г., т. е. как раз в тот момент, когда назревает разрыв с Белинским не только у него самого, но и у всей группы его друзей и единомышленников по „Отечественным Запискам“ и кружку Бекетовых с Валерьяном Майковым во главе: „Что же касается до Белинского, то это такой слабый человек, что даже в литературных мнениях у него пять пятниц на неделе“ (№ 41). Для всякого непредубежденного читателя самоочевидно, что упрек этот „литературными мнениями“ Белинского не ограничивается; явно подразумеваются тут (в слове „даже“) еще какие-то другие „мнения“ Белинского столь же шаткие, как и те. Если при этом принять во внимание, что как раз осенью 1846 г. Белинский с обычной для него решительностью отрекается от недавнего своего увлечения социальными утопистами (что и сказывается тотчас же в его полемике с В. Майковым), а Достоевский, напротив, в том же письме 26 ноября 1846 г. тотчас после упреков Белинскому восторженно восклицает о „благодетных ассоциации“, т. е. заявляет себя фурьеристом, тут же упоминающая о своих „добрых друзьях“ Бекетовых, — если принять все это во внимание, можно ли будет сомневаться, что упрек Белинскому со стороны Достоевского вызван между прочим принципиальными их разногласиями накануне окончательного разрыва? Но Долинину необходимо устранить даже самый вопрос о разногласиях принципиальных. Комментарий поэтому дан в искусственно усеченной фразе, с пропуском слова „даже“ (у Белинского „в литературных мнениях пять пятниц на неделе“ — см. „Письма“ I, стр. 494). Благодаря такому приспособлению текста к собственным заданиям комментатора и оказывается в самом деле возможным весь вопрос свести только к авторскому самолюбию Достоевского: упрек Белинскому вызван будто бы его отрицательным отзывом о „Прохарчине“ или о „Романе в 9 письмах“, и ничем больше. Укрепленная такого рода „аргументацией“ (в примечаньях) теория о Белинском-„двойнике“ Достоевского изложена еще раз, без всяких уже аргументов, в редакторском предисловии ко II тому, на котором можно поэтому не останавливаться. Но на предисловии редактора к I тому не остановиться нельзя.